

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В УСЛОВИЯХ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ РЕЖИМОВ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 04-01-00380а.

Статья раскрывает особенности взаимоотношений белогвардейских правительств Колчака и Деникина и православной церкви в годы Гражданской войны.

К проблеме взаимоотношения государства и церкви историки обращаются постоянно, анализируя эту проблему в различные периоды российской истории, в том числе и в годы Гражданской войны. Советские исследователи акцентировали свое внимание на сотрудничестве церкви и белогвардейских правительств как контрреволюционных сил, подчеркивая справедливость антирелигиозной борьбы советской власти со старым миром, составной частью которого представлялась церковь. Но при этом не исследовались другие аспекты, связанные с тем, что в этот период государственное образование белогвардейцев и церковь столкнулись с решением сложных проблем. Необходимо было по-новому определить роль церкви в условиях социальной смуты, принципы взаимодействия государства, общества и церкви, механизм их реализации, решить вопросы автономного устройства церковных учреждений, равноправия церквей иных исповеданий.

Начало этих изменений связано с деятельностью Временного правительства. В отношении к церкви программа последнего основывалась на следующих демократических принципах: свобода религиозной совести (переход из одного вероисповедания в другое, право не исповедовать никакой религии), самоуправление для православной церкви, упразднение государственной опеки обер-прокурора над церковью, некоторых привилегий православия в смысле его полицейской защиты от сторонней пропаганды. Временное правительство уменьшило влияние церкви в процессе образования, передав все церковные школы под юрисдикцию Министерства образования, сократило субсидирование православной церкви.

Восстановление автономии православной церкви, которая была ликвидирована Петром I, потребовало создания собственного управления. В августе 1917 г. Первый Всероссийский церковный собор принял программные документы, определив ее внутреннюю организацию. В борьбе между либеральным и консервативным крылом Собора победили последние. Либеральные делегаты отвергли патриаршество, полагая, что оно будет скрывать идею соборности, предложив учредить демократически-коллегиальную систему управления. Но усилившаяся к осени 1917 г. социальная борьба привела делегатов к мысли о том, что хаосу может противостоять только церковь, возглавляемая духовным вождем. Неустойчивость власти требовала сильной личности в сочетании с соборными институтами, которые «воплощали бы волю церкви как единого целого».

В результате было принято постановление, гласившее, что в Православной Российской церкви высшая власть (законодательная, административная, судебная, контролирующая) принадлежит Поместному собору, а церковное управление возглавляется патриархом, который подотчетен собору [1. С. 415]. Свою роль сыграло и то, что консерваторы видели в патриархе вождя, который может защитить интересы церкви, лишившейся прежнего покровительства государства [2. С. 485].

Либералы приняли патриаршество из-за боязни преобладания консерваторов в коллегиальном органе.

Кардинальным образом положение изменилось после Октября 1917 г. Политика советской власти строилась на свободе совести, равноправии вероисповедания, но содержание ее не отвечало провозглашенным принципам. В результате принятия декретов «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» и «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» церковь потеряла права юридического лица. Из ее ведения изъяли сложившуюся инфраструктуру, функции воспитания, вытеснили этот институт из социокультурной ниши. Традиционную прерогативу церкви в регистрации актов гражданского состояния передали гражданским властям. И это был не просто удар по институту старого мира, этими действиями власть изменила существовавшую ранее систему ценностей, меняя принцип иерархичности [3. С. 499].

Домовые церкви и часовни были разграблены и закрыты. Священников и монахов лишили права голоса как «нетрудящихся элементов». Надзор за деятельностью приходов вне пределов религиозного культа возлагался на местные парторганизации. Духовная жизнь и ритуал оказывались под контролем безбожников. Тем самым автономия церковной жизни была разрушена.

Одновременно был уничтожен ее экономический фундамент. Государству передавались церковные и монастырские земли и угодья. Были национализированы свечные заводы, в том числе церковные [4. С. 138–139].

Так была прервана связь церкви со светской властью, которая установилась еще с самого начала существования Российского государства. Советская власть интерпретировала принцип отделения церкви от государства в том смысле, что духовенство не может действовать организованно, т.е. как единая общенациональная церковь: попытки сообщения между приходами или признание иерархии рассматривались как свидетельство контрреволюционных действий [2. С. 413]. Тем самым разрушалась вертикаль, связывающая духовно православное население России. Кроме того, ограничивалось подержание многих религиозных ритуалов, что затрудняло положение православных общин, так как приходы держались на «обрядоверии». Вера и ритуал расходились, что было опасно для синкретического сознания [3. С. 497]. Все это сказывалось на духовной жизни населения, порождая в некоторых случаях антирелигиозную нетерпимость.

Церковный собор в ответ на законы, изданные советской властью, в «Воззвании к православному народу» отметил, что «под видом отобрания церковных имуществ» власть стремится уничтожить самую возможность церковного богопочитания и богослужения, подчеркнув, что даже татары, закабалившие русские княжества, проявляли большее уважение к христианской вере. Собор призывал верующих защитить храмы и монасты-

ри от захвата, а всех, кто помогал исполнять эти декреты, Собор предупреждал об отлучении [2. С. 413].

Одновременно с подрывом юридического, экономического и социокультурного положения церкви советская власть повела наступление против самой церкви, ее ценностей, что еще больше разрушало духовную ткань общества, оказывая таким образом поддержку тем, кто был недоволен православной церковью. Власть не могла терпеть смиренных обывателей, живущих собственной духовной жизнью и подконтрольных священникам, которых стали арестовывать, отождествляя их с пороками старой власти. Не случайно поэтому христианское смирение верующих перерастало в сопротивление. Некоторые готовы были постоять за веру.

Для большей части населения смена власти не связывалась со сменой веры. Верующие продолжали вести прежний образ жизни в сложившихся нравственно-религиозных координатах [3. С. 509–511]. Таким образом, ни политические, ни экономические потрясения не вытеснили проблем веры, ритуала. Религия проявляла себя как устойчивая система ценностей и обрядов, как составляющая повседневной жизни людей. Столкновение разных идеалов, в том числе нравственных (у власти и верующих), построенных на вере и безверии, приводило к нарастанию дезинтеграции общества. Такой институт традиционной жизни, как церковь, религия, объединял оппозицию внутри церкви и антибольшевистские движения.

В годы Гражданской войны различные противоборствующие силы ставили перед собой разные задачи в отношении церкви и религии. Белогвардейские правительства стремились к поддержке этого традиционного института в своих интересах. Они хотели использовать слово социальное и слово религиозное, возлагая большие надежды на то, что церковь сыграет большую нравственную и политическую роль как сила, способная помочь оздоровлению народа через исполнение евангельских идеалов, обеспечив поддержку властям и став интегратором общества. Так, профессор Прокошев, глава ведомства исповеданий при колчаковском правительстве, сказал по поводу этого следующее: «Теперь, когда большевистская пропаганда, действуя на низменные инстинкты человеческой природы, разбудила в человеке зверя и внесла полное разложение в государственную общественную жизнь, теперь содействие церкви в деле политического и морального оздоровления России особенно необходимо. Я убежден, что теперь, как и прежде, церковь в состоянии будет утишить разбушевавшееся море народных страстей, сдерживать центробежные силы, разрывающие Русь, и помочь спасти русскую государственность».

Он полагал, что «участие церкви в моральном, а через это и в политическом оздоровлении России не противоречит принципам правового государства». Такое государство, по его мнению, признает, что «христианская церковь имеет исторически обоснованное притязание на религиозную работу в народе, что церковь, вооруженная особыми средствами воздействия на население, может гораздо лучше, чем это сделало бы государство, осуществить проникновение в народную жизнь христианских принципов» [5. 7 янв.].

Но политические позиции церкви в этот период не были однозначными. Часть духовенства стремилась к

нейтралитету. Центральные церковные органы управления, созданные на юге и востоке страны, активно поддерживали Белое движение. Но вследствие военных действий южные и восточные епархии оказались оторванными от Патриарха и Высшего церковного совета.

Кроме того, внутренняя жизнь церкви настоятельно «требовала устройства». В первую очередь следовало преодолеть внутреннюю разобщенность между епархиями. Отсутствие общего центра не позволяло решать проблемы, которые выходили за рамки епархиальной власти. Еще один фактор определял действия белогвардейских правительств по созданию региональных церковных центров – отсутствие согласованной, планомерной духовной работы. На юге России такое обстоятельство, как требование автокефалии украинской церкви правительством С. Петлюры [6. С. 95], усиливало разрушение единства церкви, уменьшало ее влияние.

Исходя из всего этого, главнокомандующий Вооруженными силами Юга России А.И. Деникин по инициативе протопресвитера Шавельского обратился 3 марта 1919 г. к православным иерархам, призвав их провести совещание с целью создания высшего церковного управления в этом регионе. Генерал Деникин просил Донского архиепископа созвать в самые короткие сроки в Новочеркасске всех архипастырей Юга России, включая Крым и Одессу, а также находящихся на данной территории членов Всероссийского Церковного собора и членов епархиальных советов для формирования Временного Высшего Церковного управления на Юге России «до установления беспрепятственных сношений со Святейшим патриархом и с Высшими церковными учреждениями, находящимися в г. Москве».

26 апреля 1919 г. в Екатеринодаре под председательством митрополита Платона состоялось частное совещание, в котором приняли участие 5 архипастырей, члены Российского Собора, представители кубанского клира и паствы. В результате была назначена дата проведения Поместного собора для организации Временного церковного управления Юго-Восточной России и решения вопросов, касающихся текущей церковной жизни [7. Л. 21(а)].

В мае 1919 г. в Ставрополе под председательством архиепископа Агафора и в присутствии генерала А.И. Деникина состоялся Поместный собор. На нем выступил главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. В своей речи он определил сложные задачи Собора и духовенства в условиях, когда была «расстроена церковная жизнь», – бороться с «безверием, унынием и беспремерным нравственным падением, какою, кажется, еще не было в истории русского народа», «с растлителями русской души» большевиками «смелым пламенным словом, мудрым деланием и живым примером», укрепляя «любовь к Родине и ее святыням среди тех, кто в кровавых боях творит свой жертвенный подвиг» [6. С. 96]. Он призвал «поднять духовный меч против врагов России и церкви». Тем самым он выделил особую роль церкви в моральном оздоровлении общества и патриотическом воспитании воинов Добровольческой армии. Собор учредил Временное Высшее Церковное Управление для Юго-Восточной России в составе трех епископов, двух пресвитеров и двух мирян. Членами этого Собора были избраны архиепископы

Донской и Новочеркасский, архиепископ Таврический и Симферопольский, епископ Приазовский и Таганрогский, протопресвитер военного и морского духовенства Г. Шавельский, профессор Петроградской духовной академии протоиерей А. Рождественский, граф Вл. Мусин-Пушкин и профессор Донского университета П. Верховский.

Временное Высшее Церковное Управление имело все права высшей церковной власти, принадлежащей Патриарху, Священному синоду и Высшему церковному совету, и было уполномочено действовать до установления «беспрепятственных сношений со Святейшим Патриархом». В ведение Управления по мере продвижения белогвардейских войск включались и украинские территории. 5 июня Высшее Церковное Управление приступило к работе. Собор обратился с воззванием к генералу Деникину и его войску, к адмиралу Колчаку и его армии, казачьим войскам, ко всем православным, включая красноармейцев, ко всем патриархам и главам автокефальных православных церквей. В обращении выражалась уверенность, что отношения между Временным Высшим Церковным Управлением (ВВЦУ) и государственной властью будут «добрыми и согласными». В послании к адмиралу Колчаку содержалось благословение «на борьбу с безбожниками и бесовскими силами» [7. Л. 23]. В 1920 г. в Крыму после отступления Добровольческой армии тоже действовало ВВЦУ.

В свою очередь, в ноябре 1918 г. в Томске 13 архиепископов уральских и сибирских епархий провели Соборное сибирское церковное совещание. В его работе приняли участие 39 человек. На заседаниях обсуждались вопросы о роли церкви в условиях Гражданской войны, создании церковного Центра, развертывании религиозной пропаганды, расширении преподавания «Закона Божьего» в учебных заведениях. Решения совещания строились на основе принципов, выработанных Поместным собором 1917 г. в вопросах, касающихся отношения церкви и государства [8. С. 11].

Кроме того, были определены статус и роль военного духовенства и запрещена антирелигиозная пропаганда в войсках. В результате принятое постановление направляло деятельность духовенства на территории, контролируемой колчаковской властью. В состав ВВЦУ вошли члены Всероссийского Поместного собора в Москве – архиепископ Симбирский Вениамин, епископ Уфимский Андрей, протоиереи Я.Я. Галахов и В.П. Садовский, профессора П.А. Прокошев и П.А. Писарев. Председателем церковного управления был избран архиепископ Омский Сильвестр [8. С. 12].

Высшее Церковное Управление Сибири тоже обращалась к армии Колчака с просьбой о помощи Родине, «защите отчизны от насильников и предателей большевиков» и содействию в открытии Божьих церквей, «чтобы в них вознеслись моления Господу Богу о мире всего мира, о вашей здравии и благоденствии страждущей Родины» [9. С. 107].

Церковь развернула активную деятельность в колчаковской армии, где в 1919 г. насчитывалось около двух тысяч священников. По инициативе Главного Управления исповедания формировались «вагонные церкви». В сентябре 1919 г. были введены должности епископов армии (главных священников фронтов). Формировались добровольные части из верующих – «полки Иисуса»,

«Богородицы», дружины «Святого Креста» [8. С. 13]. Тем самым противопоставлялись безбожники в лице представителей советской власти и большевиков и «христоролюбивые воины», «доблестные защитники святой церкви и дорогой Родины». В частности, в Уставе «Братства Святого Креста» Томской губернии говорилось, что целью общества являются борьба с большевизмом как в тылу, так и на фронте для «защита веры и родины, создание воинских дружин Святого Креста».

Положение о дружинах было утверждено начальником штаба Верховного главнокомандующего, где подчеркивалось, что дружина – не только воинская часть, но и религиозное братство, имеющее покровителей Святого Александра Невского и Святого Сергия Радонежского. Интересно было и то, что в Положении указывалось, что при дружинах Святого Креста могли служить «и не христиане (например, мусульмане)», сражающиеся за веру в Единого Бога, подчиняющиеся своим уставам [10. Л. 26–27]. В них могли записываться добровольцами и старообрядцы. В Сибири формировались также отдельные добровольческие мусульманские отряды «Зеленого Знамени».

Активное участие в поддержке власти принимали церковные лидеры. В частности, епископ Андрей Уфимский издал множество брошюр, в которых он обращался к различным слоям населения с разъяснениями лозунгов колчаковского правительства, взаимоотношения церкви и государства, русского церковно-государственного строительства, сущности патриотизма. Одновременно он являлся председателем Восточно-Русского культурно-просветительного общества, задачи которого заключались в помощи по изгнанию большевиков, идейных представителей «разлагающего государственного социализма». Уфимский стал инициатором создания новой христианской народной партии, «чтобы ослабить партийную вражду», образовав всероссийское братство «для воплощения справедливости и любви» [11]. Часть общественных деятелей предлагали превратить «приходы в общественно-духовную единицу, на которую будет опираться грядущий правопорядок» и государство.

Кроме политической поддержки белогвардейских правительств, другой важнейшей проблемой стало определение принципов отношений государства и церкви: на основе независимости церкви от государства, как сделала это большевистская власть, или невмешательство государства во внутренние дела церкви, но при сохранении своей регулирующей роли.

Политики, часть общественных деятелей настаивали на том, чтобы сохранить связь государства и церкви. Белогвардейские власти вернули этот принцип в жизнь. И церковь в лице архиепископа Сильвестра высказалась за существование такого органа, особенно необходимого при решении вопросов, которые касаются «совместных дел церкви и государства» [5. 7 янв.]. Колчаковское правительство отменило декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, вернуло материальное содержание священников. Съезд сибирского духовенства в апреле 1919 г. признал адмирала Колчака главой церкви и предложил священникам в каждой молитве помянуть его имя [8. С. 13]. Это можно рассматривать не только как стремление укрепить власть Верховного правителя, но и обеспечение защиты церкви.

Такая связь церкви и государства имела свое обоснование. В частности, С. Галицкий в одной из своих статей подчеркивал, что «государственная и церковная жизнь переплелись такими многочисленными нитями, так взаимосвязанными, что полное отделение их возможно только в теории. Государство не может не сноситься с церковью». И потому, считал он, между церковью и государством должен быть посредник в лице специального органа. Профессор Прокошев полагал, что сохранение связи русского государства с православной церковью «не нарушает принципа всякого правового государства о свободе совести, не обставляя принадлежность к православию всякими особыми привилегиями» [5]. Сохранению такой связи способствовало создание Временного управления исповедания во главе с кн. Г.Н. Трубецким на Юге и Главного управления по делам вероисповеданий в Сибири. В Положениях об их организации определялись основы отношений церкви и государства.

Так, в Декларации, изданной Управлением исповеданий при Особом совещании, говорилось: «...возрождение России не может совершиться без благославения Божия, и что в деле этом православной церкви принадлежит первенствующее положение, подобающее истинным заветам истории». Декларация подчеркивала не только роль церкви, но и определяла принципы ее построения – в согласии «с новыми началами, на которых создается государственная жизнь и в соответствии с постановлениями Всероссийского Поместного собора». Православная церковь становилась свободной и независимой «в делах своего внутреннего распорядка и самоуправления» [6. С. 95]. Задачи Временного управления исповеданий виделись в том, чтобы «наблюдать за соответствием постановлений власти православной церкви в делах, соприкасающихся с областью государственных и гражданских правоотношений, существующими общими государственными узаконениями. Через его посредство осуществляется поддержка, оказываемая государственной властью Церкви в ее материальных и иных нуждах».

Довольно сложным оказался процесс создания специального государственного органа по взаимодействию с церковью на востоке страны. Эта проблема рассматривалась на заседаниях Административного совета в октябре 1918 г. Было высказано пожелание сформировать особое министерство по делам православной церкви. Проект было предложено написать профессору Томского университета П.А. Прокошеву. Рекомендовалось заложить в нем основные принципы, сформулированные законами Временного правительства – сохранить автономию церкви в решении своих дел: церковного законодательства, управления и суда. Перед государством она должна была отчитываться только за средства, полученные от казначейства.

Была отвергнута идея учредить министерство по делам только православной церкви из-за небольшой территории России, на которой действовала антисоветская власть в то время. Рациональным и выгодным с государственной точки зрения было создать учреждение центрального ведомства, объединяющего управление делами всех исповеданий России. Это мнение поддержал Совет министров [5. 29 дек.]. На правительственном заседании 24 декабря 1918 г. Положение о

Министерстве по делам православной церкви, подготовленное П.А. Прокошевым, было отвергнуто. Совет министров признал необходимым учредить новое ведомство на правах не министерства, а Главного управления. В его компетенцию включались вопросы, связанные с «инославными и иноверными исповеданиями». Специальная комиссия должна была решить вопрос о наименовании нового ведомства и переработке составленного П.А. Прокошевым положения. Принятое постановление утверждено Верховным правителем 2 января 1919 г. В Положении о Главном управлении по делам вероисповеданий (при колчаковском Совете министров) определялись его структура, порядок производства дел, его функции. Его ведению подлежали дела православной церкви, разработка и проведение в жизнь законодательства о православной церкви; посредничество в сношениях Правительства с центральными и местными органами православно-церковного управления, суда, школы, хозяйства; выполнение роли контролирующего органа над деятельностью православных церковных учреждений и должностных лиц, допускаемых автономией православной церкви. Главное управление осуществляло посредничество в сношениях Правительства с автокефальными церквями православного Востока и заграничными церковными учреждениями; одновременно оно обязывалось оказывать материальную поддержку церкви. Кроме того, оно ведало делами по наделению учреждений православной церкви правами юридического лица; вопросами брачного права и метрикации; правового и экономического положения православного духовенства в пределах России и вне ее.

Что касается инославных и иноверных исповеданий, то было сказано о том, что 2-й департамент названного Управления ведал делами, которые входили в предмет ведения МВД по департаменту духовных дел иностранных исповеданий христианских и инославных по Св. Зак. 1896 г. с последующими изменениями.

Таким образом, Главное управление по делам вероисповеданий становилось высшим органом, через который должны были «осуществляться мероприятия правительства в области отношений российского государства к вероисповеданиям, в его пределах существующих» [5. 18 янв.]. В целом же нельзя говорить о том, как утверждают И.Д. Эйнгорн и Т.Н. Коголь, что Верховный правитель ставил перед собой задачу создания теократического государства [8. С. 13].

Представители общественно-политических организаций также принимали участие в обсуждении вопросов об автономии православной церкви, об отношениях церкви и государства, о равенстве различных исповеданий. Так, весь комплекс указанных проблем нашел отражение в деятельности Всероссийского Национального Центра (ВНЦ), созданного летом 1918 г. и переехавшего из Москвы на юг осенью 1918 г. в район дислоцирования Добровольческой армии. Это была организация общероссийского масштаба, отделения которой действовали от Петрограда до Омска. ВНЦ разработал законопроекты, связанные со всем кругом отношений государства и церкви, исходя из установок о свободе вероисповедания, совести и автономии церкви.

В Программе преобразования России, составленной ВНЦ, 9-й раздел был посвящен названным проблемам.

Авторы Программы исходили из возможности возрождения России только «через оздоровление основ ее народной жизни». Бедствия России объяснялись «прежде всего ослаблением духовных сил и религиозного сознания населения».

В документе подчеркивалось, что Правительство будет «защищать и охранять религиозную жизнь российских граждан, прекратит все формы гонения религии». В то же время учреждения и общества всех вероисповеданий должны были получить права юридических лиц и права на владение имуществом. Храмы возвращались церкви и обществам верующих. Все они получали свободу «внешних проявлений религиозного культа». В школах восстанавливалось преподавание Закона Божьего. Вероисповедные организации получали право иметь свои школы (общеобразовательные, профессиональные и др.). Вероисповедным бракам возвращалась прежняя правовая сила, как и метрическим книгам, ведущимся в церковных учреждениях. В армии восстанавливалась религиозная деятельность священников. В документе было сказано о том, что Правительство будет руководствоваться «незыблемыми основами свободы совести». Отменялись все ограничения, связанные с вероисповеданиями и национальностью, а также политические ограничения из-за принадлежности к какой-либо религии. Каждому гражданину предоставлялось право исповедовать какую угодно веру, «не нарушающую норму уголовного законодательства», беспрепятственно переходить из одной веры в другую или не исповедовать никакой.

Право религиозной пропаганды, которое до 1917 г. имело только православная церковь, ничем не ограничивалось для любого вероисповедания. Государство предоставляло автономию во внутренней жизни всем вероисповеданиям. Автономное устройство для каждой религии оформлялось отдельно.

Государственные структуры обязывались оказывать материальную поддержку вероисповеданиям, «признавая за ними всякое воспитательное и духовно-культурное значение» [12. С. 384–385]. Одновременно отменялись ограничения для старообрядцев. В отношении всех религий власть должна была руководствоваться принципом свободы совести, автономии, но при контроле со стороны государства.

В свою очередь, церковные иерархии высказывали пожелания относительно нового устройства приходской жизни. В частности, архиепископ Харьковский Георгий предлагал создать приходские советы, избираемые общим собранием прихожан, включая женщин. Предоставленное при Временном правительстве «приходам право избирать притч теперь отменено, но при назначении архиереем священника приход может ходатайствовать за своих кандидатов». По его мнению, представители от церковных приходов и духовенства должны были образовывать епархиальный совет, который являлся бы «подобием законосовещательного органа при епископе» [11].

Сложнее всего решался вопрос о равенстве вероисповеданий как на юге, так и на востоке страны. Признавалось отсутствие господствующего вероисповедания в «смысле исключительной поддержки государственной властью привилегий и интересах одной Православной Русской Церкви».

Но первой среди равных признавалась православная церковь по причине того, что православные составляли большинство населения и вследствие ее заслуг в строительстве русской государственности. И все это оправдывалось теорией правового государства, ибо при наличии нескольких церквей государство обеспечивало их равенство «не в смысле математического “всем поровну”, а в смысле справедливого “каждому свое”». Ту церковь, к которой принадлежало большинство населения и которая имела больший круг воздействия, «государство ценит выше и ставит ее в более привилегированное положение» [5. 7 янв.]. Так аргументировал эту позицию П.А. Прокошев на востоке страны.

На юге Всероссийский Национальный Центр разработал отдельное Положение о православной церкви. В нем эта церковь определялась как главенствующая во всех случаях, когда государство обращалось к религии. Первое место отводилось православной церкви. При определении праздничных дней государственная власть руководствовалась календарем православной церкви. Ей предоставлялась автономия во внутреннем устройстве, свобода в миссионерской и просветительской деятельности, право на преподавание в школах Закона Божия для православных. Устанавливалась структура управления церковью.

В этом же документе старообрядцам в соответствии с «началами вероисповедной свободы» предоставлялась свобода исповедания и проповедования своей веры, управления религиозных обрядов и образование общин, монастырей, обителей, автономия во внутренней жизни и управлении, суда, отношения с другими церквями, а также в проповеднической и благотворительной деятельности.

Одновременно старообрядцам в соответствии с их численностью обещалась государственная помощь. В школах старообрядцы получали право обучения Закону Божию по своему вероучению. Обеспечение такого преподавания принималось на счет казны [12. С. 410–412].

В Декларации Временного Управления исповеданий на юге России в отношении к инославным и иноверным исповеданиям содержалось обязательство «руководствоваться началами свободы совести и веротерпимости», автономией их внутренней религиозной жизни. Все исповедания призывались «содействовать среди своих последователей общей задаче оздоровления и воссоединения России» [6. С. 96].

Таким образом, в годы Гражданской войны белогвардейские правительства и советская власть отводили важную роль церкви в борьбе за души людей. Но в деятельности большевистской власти это проявлялось в насилии по отношению к церкви, в которой видели соперника, несмотря на объявленную свободу совести. Что касается белогвардейцев, то они использовали церковь как традиционный институт для укрепления евангелических основ нравственности и политического упорочения государственности, социальной поддержки, сохраняя контролирующую роль по отношению к церкви. Но, как признал А.И. Деникин, церковная проповедь оказывала мало влияния на массы. Он писал впоследствии: «Или сеятели были не искусны, или нива чрезмерна густо заросла плевелами» [6. С. 96]. Надежд, которые возлагали на церковь белогвардейские власти,

она не оправдала, что связано было с внутренним кризисом церкви, недоверием населения к ней и деятельностью советской власти по ее дискредитации.

Уже в начале XX столетия большинство православных не посещали храмов, в церковной жизни участвовали нерегулярно. Церковь в глазах населения выступала не как духовная сила, а как принудительная официальная идеология. В ее истине и силе православные не были уверены. По данным военного духовенства, численность солдат, участвовавших в таинствах исповеди и причастия, сократилась примерно в десять раз, а после Октября 1917 г. – еще в десять раз [14. С. 179]. Таким образом, число активно и сознательно верующих действительно резко уменьшилось. Более того, Р. Пайнс считает, что церковь рухнула вместе с монархией [14. С. 177]. Скорее можно говорить о том, что она перестала быть духовно

значимым институтом. Священники не умели работать с паствой, не могли воздействовать должным образом на умы людей. Находясь в кризисе, церковь не могла выполнять задачи, поставленные лидерами Белого движения перед ней.

Немаловажное значение имело и то, что в годы Гражданской войны разрушилась старая система ценностей. Человеку всегда жизненно необходима определенная система ориентации. В этот период для общества была характерна психологическая, политическая растерянность, церкви уже не отводилась роль главного духовного центра. Приоритетными стали политические и идеологические установки, которые подвергались наиболее быстрым изменениям. Ставка белогвардейцев на этот традиционный институт оказалась несостоятельной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлова Т.Г. К вопросу о природе и масштабах большевистских гонений против Русской православной церкви в годы Гражданской войны // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М.: Раритет, 2002.
2. Пайнс Р. Россия при большевиках. М.: РОССПЭН, 1997.
3. Леонтьева Т.Г. Православные подданные и большевистская революция: особенности адаптации к «новому миру» в годы Гражданской войны // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М.: Раритет, 2002.
4. Клочков В.В. Закон и религия. От государственной религии в России к свободе совести в СССР. М.: Политиздат, 1982.
5. Правительственный вестник. 1919.
6. Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1994. № 4.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 446. Оп. 2. Д. 6.
8. Коголь Т.Н. Православная церковь в Сибири в период Гражданской войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 1999. Вып. 1.
9. История России. 1917–1940: Хрестоматия. Челябинск: Южно-Уральское книж. изд-во, 1994.
10. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 13662. Оп. 1. Д. 188. Л. 26–27.
11. Великая Россия (Уфа). 1919.
12. Всероссийский национальный центр. М.: РОССПЭН, 2001. С. 384–385.

Статья представлена кафедрой истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 29 ноября 2004 г.